

**НЕТ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ!**

Читайте детективы Ольги Володарской!
В них нет запретных тем!

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Карма фамильных бриллиантов
Сердце Черной Мадонны
Зов темной воды
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Его величество случай
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война

Ольга Володарская

ПОСЛЕДНЕЕ
ЖЕЛАНИЕ ГЕЙШИ

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Разработка серийного оформления *В. Терещенко*

Володарская, Ольга.
В68 Последнее желание гейши : роман / Ольга Володарская. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Нет запретных тем. Остросюжетные романы О. Володарской).

ISBN 978-5-699-82288-1

Их было восемь... Восемь экзотических девочек, продающих свою любовь в элитном борделе. Самой шикарной среди них была Афродита. Прекрасная, как ее знаменитая тетка, она считалась лучшей из лучших в своем ремесле... Она и погибла первой! Афродиту застрелили в собственной постели, когда ее подруги и соседки Марго не было дома...

А вслед за ней убили еще одну девочку мадам — Венеру...
Девушек осталось всего шесть. Но Марго чувствовала — будет и третья жертва...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82288-1

© Володарская О., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

Часть 1

День первый

Митрофан

Старший следователь Митрофан Васильевич Голушко ненавидел сало. Ему не нравилось в нем все: вкус, вид, запах, даже звучание этого слова казалось ему отталкивающим. Еще он терпеть не мог вареники, не пил горилку, не ел борщ, а что такое галушки, представлял весьма отдаленно. Но, несмотря на это, все его коллеги были уверены в том, что старший следователь Голушко ни дня не может прожить без сала и прочих хохляцких радостей. И сколько бы он ни пытался доказать сослуживцам, что жиру убитой свиньи предпочитает сыр, а горилке квас, никто ему не верил. Именно поэтому на всех сабантуях, кои в следственном отделе проводились не реже одного раза в месяц, Митрофана сажали рядом с тарелкой «хохляцкого хлеба», а напротив него ставили «Немировскую перцовку». Всем казалось, что человек с такой фамилией и внешностью просто обязан квасить «ридну горилку», закусывая ее шматом сала...

Пожалуй, именно внешность сослужила Митрофану плохую службу, ведь были в их отделе и другие «ко», был майор Ткаченко, лейтенант Михеенко, но тех не держали за «салолобов», потому что оба имели вполне обычные среднерусские лица, зато Голушко выглядел точно как казак с картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»: лысый, как коленка, краснолицый, с вис-

лыми усами (сколько он ни пытался их подкручивать, они все равно опускались к подбородку) и толстыми лоснящимися щеками. К тому же был он высок, мясист, большерук, а из-под его брючного ремня вываливалось круглое пивное брюхо.

Фамилия старшему следователю досталась от отца, а внешность, наверное, от анонимной матери (потому что Митрофан маму ни разу не видел, а его папаша Василий Дмитрич ее плохо помнил). Лучше бы было наоборот, так как его батя в свои шестьдесят восемь был строен, гладок, симпатичен, имел вполне приличный чуб и еще различные кубики на животе. И это при том, что старший Голушко всю жизнь пил, курил, передал, спал с кем ни попадя (из-за чего неоднократно лечился у врача-венеролога), играл в азартные игры (за это пришлось даже посидеть), дрался. Короче, не щадил ни душу, ни печень. И каков результат? Василий выглядит, как английский аристократ в десятом колене, а непьющий, некурящий Митрофан похож на заправского алконавта с глухого украинского хутора! Обиднее всего, что Василий нисколько не заботится ни о фигуре, ни о здоровье: может выдуть пять бутылок «Балтики» за раз, слопать блюдо с шашлыком, уговорить вечерком коробку конфет, но у него кубики на животе и давление, как у космонавта, а у сына пивное брюхо и гипертония!

Нет, жаль, что Митрофан пошел не в отца, очень жаль!

Примерно такие мысли одолевали старшего следователя Голушко за завтраком. Завтракал Митрофан в своем кабинете, так как дома спокойно поесть не получалось — именно по утрам отец любил лезть к сыну с советами по поводу и без, что очень мешало пищеварительному процессу. Обычно утренняя трапеза Митрофана состояла из пары бутербродов с сыром и маслом, но сегодня он изменил себе — съел три куса «Рокфора» без хлеба, потому

что сыр с плесенью не нуждается в компаньонах: батон и масло только портят его вкус.

Голушко доедал второй кусок, когда дверь приоткрылась и в проеме показалась раскрасневшаяся от быстрого бега физиономия старшего опера Лешки Смирнова.

— Сало ешь? — хмыкнул он, мазнув взглядом по застывшему у Митрофанова рта куску сыра. — И без хлеба! Ну ты, хохол, даешь!

— Это сыр, — прорычал Голушко, пряча «Рокфор» в салфетку. — Я сто раз говорил, что не ем сала!

Смирнов мерзко хихикнул, из чего Митрофан сделал вывод, что его словам никто не верит, и уже другим тоном сказал:

— У нас свежий трупак! Через пять минут выезжаем. Если поторопишься... — он показал глазами на салфетку, — доесть са... в смысле, сыр, то успеешь с нами.

— Чей труп? Где?

— Женский. В квартире... — Смирнов начал нетерпеливо бить копытом (стоптанным башмаком) землю (драный линолеум). — Давай, короче! А то уедем без тебя, добираться потом как хочешь — бензина выдали только на один рейс.

— Кто сообщил о трупе?

— Соседка сверху. Спускалась, увидела, что дверь приоткрыта, вошла... Ну а дальше сам догадайся!

Митрофан кивнул, догадался: соседка нашла хозяйку квартиры мертвой, после чего позвонила в милицию.

— Застрелена, задушена, зарезана или еще что? — спросил на ходу Голушко — он уже направлялся к двери.

— Труп до подбородка прикрыт простыней. На простыне кровавые пятна, так что может быть все что угодно... — Лешка дурашливо подмигнул. — Вплоть до расчленки.

Голушко тяжело вздохнул — только расчленки ему в

этом месяце не хватало! Мало двух поножовщин, трех перстрелок, шести драк со смертельным исходом и одной заказухи!

— Не парься, Митюша, — подбодрил товарища Смирнов. — Наверняка банальный огнестрел... Деваха-то наша, знаешь, в каком районе обнаружена?

— Неужто в «Берегах мечты»? — предположил Голушко, назвав самый фешенебельный район города.

— Ну это ты загнул... Тогда бы нас не соседи, а их секьюрити вызывали... Она на Александровском спуске жила. Бывший Дом работников искусств рядом с церковью знаешь?

Митрофан знал — это был старинный трехэтажный особняк, очень красивый, еще крепкий, квартиры в нем стоили безумно дорого, но покупатели на них всегда находились, потому что таких высоких потолков с отлично сохранившейся лепниной, такого красивого дубового паркета, таких широких мраморных подоконников не было ни в одном другом доме города.

— Из «новых русских» дамочка, — сделал вывод Голушко.

— Актрисулька, наверное, или моделька, ты же знаешь, как любит богема этот дом, к тому же соседка ее красавицей называла. — Смирнов хлопнул Митрофана по мясистой спине. — Прикинь, Митюня, какое нам счастье привалило — на настоящую модель посмотреть... Пусть даже и на мертвую.

Митрофан скривился — такого «счастья» он не пожелал бы никому. Сам он больше десяти лет на «жмуриков» смотрит, казалось бы, должен привыкнуть, но всякий раз при виде убитого человека его мутит — уж больно жуткое зрелище. Конечно, мертвых моделей ему видеть не приходилось, все больше бандиты да пьянь, но Голушко был уверен, что смерть уродует даже самые красивые лица, а но-

жевые или огнестрельные раны обезображивают самые совершенные тела...

В ошибочности своего мнения Митрофан убедился сразу же, как только увидел убитую. Она была прекрасна! Фарфоровое личико с тонким носиком, изящным подбородком, пухлым ртом, в ореоле длинных, рассыпавшихся по подушке, золотых волос. Ее безупречные черты не исказились, не заострились, как у всех виденных до этого покойников, девушка выглядела безмятежной, умиротворенной и совсем не походила на мертвую, скорее на спящую — на Спящую красавицу из сказки, только хрустального гроба не хватало...

— Точно модель, — прошептал Смирнов, заворожено глядя на безупречное мертвое лицо. — Супермодель.

— Красивая, — согласился Митрофан. — Кто такая?

— Харитоновна Людмила Ильинична, двадцать семь... Умерла, что называется, во цвете лет...

Голушко приспустил простыню, обнажив роскошный бюст покойницы и две огнестрельные раны: одну под правой грудью, другую под ключицей. На раны смотреть было страшно, а на грудь стыдно, поэтому Митрофан отвернулся.

— Я ж тебе говорил, огнестрел, — сказал Смирнов, оценивающе уставившись на бюст покойницы. — Размер третий, не меньше. — Потом потрогал левую грудь, помял ее пальцами и добавил: — Силиконовая.

Голушко шлепнул Леху по руке и отошел от противостоительно красивого трупа в другой конец комнаты — он увидел на кресле маленькие, размера двадцатого, джинсики.

— У нее есть ребенок? — спросил он, рассматривая их.

— В паспорте отметок нет.

— На няню она вроде не похожа... — Голушко оглядел-

ся, увидел на полу крошечную дамскую туфельку и добавил задумчиво: — Но ребенок в ее доме бывал...

— Может, племянку приводила? Или фетиш у нее такой — детская одежка.

— Дурак ты, Леха.

— Че это? Я про них, моделей, и не такое читал...

Произнеся эти слова, Леха замер с открытым ртом возле картины, висящей над кроватью. На ней была изображена хозяйка квартиры (она же жертва). Художник явно не собирался оригинальничать, содрав сюжет у гениального Боттичелли, то есть на его полотне девушка стояла в той же позе (стыдливо прикрывала лобок рукой), что и Венера итальянского живописца, ее волосы так же трепал ветер, а ступни омывали волны. Единственное, что отличало красавицу эпохи Раннего Возрождения от современной, так это выражение лица: у той оно было одухотворенное, у этой похотливое.

«Как жаль, — подумал Митрофан, — что за несколько веков женщины так сильно изменились. Из символов чистоты превратились в символы низменных страстей и желаний».

«Как жаль, — подумал Леха, — что во времена Боттичелли еще не изобрели силикон. Иначе его Венера смотрелась бы несколько не хуже этой...»

Тут в комнату, бренча допотопными «Зенитами», ввалился фотограф Игорь Иванович Зарубин. Поздоровавшись с Голушко и Смирновым кивком головы, он прямой наводкой направился к трупу.

— Трогали чего? — спросил он, вскидывая фотоаппарат.

— Простынку немного приспустили, — отрапортовал Смирнов.

— На сиськи посмотреть не терпелось?

— На раны, старый ты извращенец!

— Меня надо было подождать.
— Тебя дождешься! — фыркнул Леха.
— Да опять фотик пленку зажрал — не перематывалась.

— Тебе «Никон» купили, а ты все с этим старьем носишься, — упрекнул Зарубина Смирнов.

— Я свои «Зениты» ни на что не променяю! Они как боевые друзья, ясно тебе?

— Не очень, — буркнул опер, — но в полемику вступать не буду, так как она может затянуться...

— Вот и помолчи, — отбрил его фотограф, — глядишь, за умного сойдешь... — Леха фыркнул, а Зарубин, посмотрев на труп через линзу своего «Зенита», велел: — Ну-ка сделай простынку как было — мне первоначальная картина нужна...

Смирнов подошел к покойнице, накинул простыню ей на грудь, отошел.

Зарубин опять нацелил фотоаппарат, но вместо привычного щелчка раздался его возмущенный возглас:

— Не так было!

— Почему не так? — нахмурился Леха. — Так. Простыня до подбородка.

— Митя, так? — спросил Зарубин у Голушко — его он уважал больше, чем разбитного не по годам, легкомысленного Леху.

— Так, — подтвердил Митрофан.

— Не может быть!

Голушко и Смирнов недоуменно переглянулись, а Зарубин покачал своей крупной, как у старого сенбернара, лохмато-седой головой.

— Неужели вы ничего не замечаете? — спросил он. — Тогда посмотрите повнимательнее... И не только на сиськи!

Голушко послушно посмотрел, правда, первым делом взгляд его упал как раз на них, на силиконовые груди

третьего размера, а уж потом на все остальное: лицо, плечи, вытянутые вдоль туловища руки, затем на кровать королевских размеров, на которой возлежала девушка, на балдахин над ней, на тумбочку с цветами, на картину в стенной нише...

— Что скажете? — нетерпеливо спросил Зарубин.

— Богато, — ответил Голушко.

— Особенно в области грудной клетки, — уточнил Смирнов.

— Эх вы, наблюдатели, — с упреком сказал фотограф. — Посмотрите, как она лежит! Точно посередине кровати, на симметрично разложенных подушках, на безупречно гладких простынях... — Он подошел к покойнице, пощупал через шелк простыни ее ноги. — Конечно-сти распрямлены, волосы уложены аккуратным нимбом... Кругом красота и гармония — а вы простыню комом...

— Красивые люди и умирают красиво, — бросил Смирнов.

— Ты на что намекаешь, Игорь Иванович? — спросил Голушко на всякий случай, хотя уже понимал на что.

— Ритуал, ребятки! Маньяком пахнет...

Митрофан похолодел — маньяк даже хуже «расчлененки»! Маньяк — хуже замучившего его геморроя! Маньяк — это самый кошмарный кошмар старшего следователя Голушко!

— Глупости! — фыркнул Леха Смирнов, буквально вернув Митрофана своим возгласом к жизни. — Никаких маньяков не существует, они — вымысел киношников и журналистов!

— Я лично одного знал, — запальчиво возразил Игорь Иванович. — У меня сосед был по фамилии Козлов, хороший мужик, мы с ним в домино во дворе играли... А оказался он серийным убийцей, которого милиция шесть лет разыскивала. Ловил девушек в парке, насиловал, убивал,

вернее, сначала убивал, потом насиловал, а затем вот так же красиво укладывал, украшал труп цветами и листьями...

— И все равно — глупости! — не унимался Леха. — Ее любовник убил, это ежу понятно! — Он вцепился в рукав Митрофанова джемпера и начал объяснять: — Дверь открыли родным ключом, значит, убийца был вхож в этот дом...

— Или выкрал ключи у намеченной жертвы, — встрял Зарубин.

— Она его ждала! Намылась, разделась, причесалась, надушилась — запах до сих пор в воздухе витает, — азартно выкрикнул Леха, шмыгнул носом. — Порядок навела, красоту: цветочки поставила, бельишко шелковое постелила... — Он с надменным видом глянул на оппонента. — А то, что подушки лежат симметрично, простынки без морщинок, а волосы нимбом, я тебе вот что скажу — все бабы так любовников встречают! Им же, бабам, особенно моделям, главное произвести впечатление, подать себя красиво! Сбить мужика с ног у самого порога.

— А получилось, что он ее с самого порога... только не сбил, а убил, — тихо сказал фотограф.

— В упор, а не с порога, — поправил Смирнов. — Она лежала, когда он вошел, ждала. Он подошел, склонился над ней, сделал вид, что хочет поцеловать, а вместо этого всадил ей в грудь две пули. Потом закрыл ее глаза, прикрыл тело простыней и скрылся в ночи.

— Звучит правдоподобно, — кивнул Голушко. — Если, конечно, опустить бред типа «скрылся в ночи»...

— Почему же бред? Он в ночи и скрылся!

— Девушку убили ранним утром, так что если тебе очень хочется употреблять красивые книжные выражения, скажи просто: «И он нырнул в утренний туман...»

— Утром? Ты уверен?

— Почти на сто процентов...

Голушко не договорил, так как за его спиной раздался красивый баритон:

— С каких пор господин старший следователь берет на себя обязанности эксперта-криминалиста?

Господин старший следователь обернулся. Как и ожидалось, на пороге комнаты обнаружился эксперт с важной фамилией Ротшильд. Внешность у него была под стать фамилии — важная, особенно внушительно смотрелось лицо, такое хоть на монетах чекань: с квадратным подбородком, крупным прямым носом, выпяченной нижней губой. Только тело подкачало, оно было бесформенным, рыхлым, толстозадым, но Ротшильд очень старался это скрыть: носил приталенные пиджаки в вертикальную полоску с большими поролоновыми плечами. Характер у эксперта был отвратительный: склочный, неуживчивый, Леха Смирнов эксперта кроме как «поганцем» не называл. Голушко Ротшильда тоже не любил, поэтому, увидев его, очень пожалел, что не приехал на место преступления позже.

— Ну так что, господин старший следователь? — раздув ноздри, спросил эксперт. — Мне уйти, дав вам возможность поупражняться в криминалистике, или остаться, чтобы делать свою работу?

— Прошу, господин эксперт, приступайте, — невозмутимо ответил Митрофан, жестом указав эксперту на покойную.

Ротшильд сжал губы в ниточку, надменно кивнул, после чего подошел, склонился над трупом и, из вредности загородив своей толстой спиной обзор, стал над ним колдовать.

Спустя пару минут он распрямился, стянул с рук резиновые перчатки и вынес вердикт:

— Жертва застрелена предположительно из пистолета небольшого калибра — входное отверстие маленькое.

С близкого расстояния. Смерть наступила между 3.45 и 4.30 утра.

— Еще что-то можете добавить? — на всякий случай спросил Митрофан, хотя прекрасно знал, что из вредного эксперта лишнего слова не вытянешь. Однако в этот раз Ротшильд расщедрился еще на один комментарий:

— Убийца, скорее всего, был хорошо знаком с жертвой.

— И я о том же! — возбужденно выкрикнул Леха. — Это любовник ее пристрелил, теперь надо только выяснить его личность...

Голушко грозно зыркнул на Смирнова, и тот тут же замолк, а Митрофан спросил у эксперта:

— Из чего вы сделали такой вывод?

— Из характера пулевых отверстий. — Ротшильд указал перстом на раны на теле жертвы. — Смотрите, одно ниже груди, второе выше, оба выстрела сделаны под наклоном. Как вы думаете, почему?

— Чтобы пули достигли сердца, — оторвавшись от фотоаппарата, бросил Зарубин.

— Пули достигли бы его быстрее, если бы убийца выстрелил точно в грудь...

— Он не хотел портить такую красоту, — заявил Леха.

— Он знал, что грудь силиконовая, — отчеканил Ротшильд, уничижительно глядя на озадаченного опера. — Он боялся, что пули застрянут в нем и жертва сможет выжить...

— Такое бывает? — искренне удивился Голушко. — Чтобы силикон спасал жизнь? Я слышал, что он только к раку приводит и к искривлению позвоночника...

— В моей практике (ранее я работал хирургом, если кто не знает) был случай, когда жертва осталась жива благодаря имплантатам, они, правда, были побольше, чем у нашей девушки, размера пятого... В нее стрелял бывший